

УДК 93/94

Т. А. Колосовская**ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭЛЬБРУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ГЕНЕРАЛА Г. А. ЕМАНУЕЛЯ 1829 г.)¹**

Статья посвящена рассмотрению инициированного военным ведомством в 1829 г. обследования окрестностей горы Эльбрус. Анализ причин Эльбрусской экспедиции, особенностей ее организации и результатов проведен с опорой на архивные источники. Делается вывод о том, что обозрения местности с участием ученых и топографов, под охраной

военного отряда стали одной из форм военно-разведывательного изучения Северного Кавказа периода Кавказской войны.

Ключевые слова: военно-разведывательное изучение, Северный Кавказ, Кавказская война, военное ведомство, Академия наук, Эльбрусская экспедиция 1829 г., Г. А. Емануель.

T. A. Kolosovskaya**A CASE FOR THE NORTH CAUCASUS MILITARY SURVEY STUDYING
(BASED ON THE ELBRUS EXPEDITION OF THE GENERAL G. A. EMANUEL)**

The article studies the history of a survey carried out at the Elbrus site, initiated by the Russian military department in 1829. The author analyses the reasons for setting the expedition, its essence, conditions and results, based on the official reports and published participants' evidences. The author infers that the site survey taken by some scientists and surveyors accompanied by the military troops

turned into a specific form of a military survey studying the North Caucasus during the Caucasus War epoch.

Key words: military survey studying, North Caucasus, Caucasian war, military department, Academy of sciences, Elbrus expedition 1829, G. A. Emanuel.

В современной отечественной и зарубежной историографии большое внимание уделяется имперскому измерению истории России [17, с. 5–6]. Стремление воссоздать взаимоотношения имперских властей и местных сообществ во всей их полноте приводит к отказу от прямолинейных оценок и показывает, что Россия отнюдь не была той «империей зла», для которой благополучие ее подданных являлось пустым звуком. В фокусе исследования оказывается и то хорошее, что империя дала ее народам [6]. В этой связи значительный интерес представляет история организации военным ведомством как одним из основных имперских институтов изучения новых окраин России, в том числе Северного Кавказа.

Необходимость изучения Северного Кавказа в период его присоединения к Рос-

сийской империи определялась не столько научными, сколько практическими целями. Отсутствие подробной и достоверной информации о крае приводило к неправильным решениям и тяжелым последствиям. «Едва ли когда-либо и где-либо военная история представляла вопрос более сложный и трудный для разрешения, нежели тот, который встретился России в умиротворении Кавказа, – писал один из первых кавказских военных историков полковник Д. И. Романовский. – Недоступная, своеобразная местность этого края, его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения...» [12, с. 197]. Поскольку подробных описаний, включающих достоверную информацию о крае, не было,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-01-00251.

у военных оставалось одно средство – изучение его на месте.

Ярким примером участия военного ведомства в организации изучения региона может служить первое летнее восхождение на г. Эльбрус, осуществленное в 1829 г. по инициативе командующего на Кавказской линии и начальника Кавказской области генерала Г. А. Емануеля. Организация и проведение этого мероприятия неоднократно привлекали внимание исследователей [4; 10]. При этом в большинстве работ данное событие анализируется преимущественно с точки зрения становления отечественного альпинизма и истории покорения главных вершин Кавказа. Лишь отдельные исследователи связывали восхождение на Эльбрус 1829 г. с российской политикой по изучению вновь присоединяемых территорий [8; 9]. В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка показать Эльбрусскую экспедицию в контексте организуемого военным ведомством постепенного изучения Кавказа в период Кавказской войны. Материалом для этого послужат как свидетельства самих участников событий, так и сохранившиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН официальные документы об ее организации, проведении и итогах.

Сбор сведений о вновь присоединяемых территориях Северного Кавказа осуществлялся российскими военными различными способами. Одним из них стали рекогносцировки местности под прикрытием военного отряда. После экспедиции Г. А. Емануеля в земли карачаевцев (1828 г.) и принесения последними присяги на верность России перед командованием остро встала задача взять под контроль горные перевалы Приэльбрусья. Это был стратегически важный район, через который, минуя кордонные линии, настроенные воинственно горцы попадали в пределы Кавказской области. Поэтому Емануель выступил с инициативой организации в следующем году еще одной экспедиции, но на этот раз не для военных действий, а для топографического изучения местности. В ходе новой экспедиции предполагалось собрать сведения о ландшафте, высотах гор, о направлении и глубине долин, о лесах и пастбищах и тем самым найти подходящую дислокацию для устройства новой линии укреплений, способной оградить гражданское население от нападений со стороны «немирных» горцев [3, с. 85].

Особенность топографических исследований Северного Кавказа в то время заключалась в том, что съемки производились лишь небольших пространств и маршрутов, для удовлетворения текущих военных потребностей. Работа топографов была небезопасной. Реляции пестрили многочисленными случаями нападений со стороны «хищнических партий» [7, с. 356]. Не случайно для новой экспедиции Емануель собрал внушительный военный отряд, состоящий из 2-й и 7-й рот 43-го егерского и 9-й мушкетерской роты Крымского полков, двух сотен Моздокского, полусотен Хоперского и Волжского казачьих полков и двух горных единорогов [19, с. 167].

Значительный интерес представляет тот факт, что новую экспедицию Г. А. Емануель решил возглавить лично. Значит, помимо топографических исследований, ее организация имела и другие причины. В этом отношении заслуживает внимание мнение исследователей, связывающих их с желанием командования оказать идеологическое воздействие, как на местное население, так и на Европейские страны [18]. Ведь конечной целью экспедиции было объявлено покорение Эльбруса – горной вершины, являющейся высшей точкой Европы и считавшейся горами неприступной. «Емануель решился предпринять военную экспедицию к Эльбрусу, – писал его биограф и бывший адъютант Н. Б. Голицын, – которая показала бы горским народам, любящим лишь одну войну и уважающим только одно мужество, что их скалы, их узкие ущелья, их потоки и снега не суть непреодолимые препятствия для русских солдат, затвердевших, как и они, во всех трудах и усталостях» [3, с. 85].

Наконец, не стоит забывать, что в это время полным ходом шла русско-турецкая война, активизировавшая деятельность турецких эмиссаров в горской среде. «...Видя, что буря готова разразиться, – отмечал Н. Б. Голицын, – Емануель нашел, наконец, что остается ему одно средство: с решительностью и доверием вступить в недра земель этих народов. Это действительно произвело желаемое действие и наложило молчание на крикунов и злоумышленников, рассеивавших в горах неприятные и ложные вести о судьбе российского оружия в Турции» [3, с. 86].

Что касается привлечения внимания европейской общественности, то для этого военное ведомство решило пригласить к участию в предстоящей экспедиции ученых.

В начале 1829 г. в Российскую Академию наук было направлено отношение начальника Главного штаба генерала от инфантерии графа И. И. Дибича под № 409 с предложением снарядить научную экспедицию на Кавказ [13, л. 1]. В нем сообщалось о запланированном на лето текущего года генералом Г. А. Емануелем военного обозрения окрестностей г. Эльбрус и г. Кинжал на р. Малке и открывающейся в связи с этим возможностью изучения данной местности учеными. И. И. Дибич предлагал академикам «воспользоваться сим случаем для собирания точнейших сведений о стране той, в отношении к естественному положению и произведениям оной» и «командировать от себя несколько ученых мужей для наблюдений и изысканий» [13, л. 2].

Предложение военного ведомства обсуждалось 10 февраля 1829 г. высшим коллегиальным органом Академии, ее Конференцией. Горы Кавказа давно привлекали к себе внимание академиков, но научной экспедиции на Эльбрус никто никогда не предпринимал. Да и сама мысль о подобном предприятии, в период Кавказской войны, когда прогулки вне стен укреплений происходили только на местности, огражденной казачьими пикетами, вряд ли могла прийти ученым в голову [11, с. 370]. Пример печальной участи академика Гмелина, захваченного горцами в Дагестане и умершего в плену, был еще свеж в памяти. Ученые осознавали уникальность возможности, открываемой перед ними российскими военными, и с радостью поспешили ею воспользоваться.

Желание академиков поучаствовать в военном обозрении генерала Г. А. Емануеля довели до сведения императора Николая I и получили на то его согласие. Для командировки на Кавказ были определены: Эмилио Ленц – специалист по физике, Карл Мейер – специалист по ботанике и Эдуард Менетрие – специалист по зоологии, занимавший должность консерватора кабинета зоологии в Академии наук. Возглавил научную экспедицию Адольф Яковлевич Купфер – физик, академик Российской Академии наук по кафедре минералогии.

Сохранившееся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН «Дело по Кавказской экспедиции» содержит многочисленные документы по подготовке к предстоящей экспедиции. В отношении Министра народного просвещения на имя исполняющего

должность Президента Академии наук от 26 марта 1829 г. сообщалось: «...Ныне управляющий Главным штабом граф Чернышев уведомил меня, что государь император находит изволил, что краткость времени, каковое вероятно будет продолжаться сия экспедиция и гористое местоположение, не представляющее возможности к перевозке больших и весьма тяжелых инструментов, не позволит сделать надлежащим образом определение тяготения посредством маятника, и потому высочайше утверждая командировку 4-х ученых, полагать изволил, что сделать следует преимущественно изыскания по части зоологической, ботанической и минералогической; физические же измерения ограничить измерением высоты Эльбруса и по возможности магнитическими наблюдениями» [13, л. 20–20 об.].

Для осуществления предстоящей экспедиции Николай I распорядился: «1) отпустить Академии на издержки сего путешествия 15000 руб.; 2) прибавить к оным из академических сумм 10000 руб.; 3) Главному штабу, по востребованию Академии, снабдить сию экспедицию одним карманным хронометром и инструментом для измерения склонения магнитной стрелки Гамбея, каковые инструменты по окончании экспедиции должны быть возвращены; 4) так же и Адмиралтейству снабдить сию же экспедицию одной бусолью и большими и малыми магнитными приборами для определения наклонения магнитной стрелки, которые по окончании экспедиции должны быть также возвращены по принадлежности» [13, л. 20 об.–21].

Учитывая нестабильность военно-политической обстановки на Кавказе, Управляющий Главным штабом граф А. И. Чернышев обратился с запросом к Главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом И. Ф. Паскевичу и к генералу Г. А. Емануелю о возможности проведения запланированной экспедиции. Вскоре академикам сообщили, что Емануель не видит никаких затруднений к отправлению экспедиции к Эльбрусу в этом году. По его распоряжению «войскам, назначенным в отряд предписано быть на сборном месте в укреплении Каменного моста на Малке к 23-му числу текущего месяца. А как сие время года есть самое лучшее в горах, то экспедиция может продолжаться с месяц. Относительно же перевозки гг. академиков и находящихся при них инструментов генерал Емануель сде-

лал должные распоряжения, почему и просит, чтобы гг. ученые прибыли к 20-му числу сего июня (по старому стилю. – прим. автора)» [13, л. 31–31об.].

7 июля (25 июня по старому стилю) 1829 г. академики прибыли в Горячеводск, где их уже ждал Г. А. Емануэль и на следующий день, в сопровождении военного отряда, выступили по направлению к Бургустану. В число участников экспедиции входили также горный инженер Вансович и главный архитектор на Кавказских минеральных водах Дж. Бернардашши. Первый – от Горного департамента, для геологических и минералогических исследований, второй – вместе с военными топографами, должен был выполнять работы по съемке местности и делать ее зарисовки. Впоследствии к экспедиции присоединился венгерский путешественник Жан-Шарль де Бесс [11, с. 370].

«Наш караван обычно разделялся на несколько отрядов, – отмечал впоследствии в своем отчетном докладе об экспедиции А. Купфер. – Сотня линейных казаков формировала авангард, но свита генерала, он сам и его сын шли впереди. Процессия представляла собой то запутанный клубок, то тонкую ниточку, в зависимости от ширины тропинки, и состояла из нескольких офицеров и других приближенных генерала, черкесских князей, толмача и нас. Затем на надлежащем расстоянии следовал арьергард из 250 линейных казаков, который включал пехотный из 600 человек отряд, предназначенный для охраны оружия и багажа. Можно себе представить, что, последовав за таким значительным караваном, мы не преодолевали большого пути за день» [5, с. 71].

Выбранный Г. А. Емануелем маршрут восхождения на Эльбрус по северному склону горы был самым коротким со стороны Кавказской линии, но в то же время одним из самых трудных. Во время переходов по горным дорогам, принимавшие участие в экспедиции академики не переставали восхищаться мужеством русских солдат. «Нашим пехотинцам приходилось объединять свои усилия, чтобы не дать повозкам сорваться в пропасть, – пишет А. Купфер, – перевозка оружия встречала почти непреодолимые препятствия особенно часто. Нужно было иметь много смелости и несокрушимой стойкости, чтобы все это перевозить» [5, с. 71].

Непродолжительные переходы сменялись лагерными стоянками, во время которых у ученых была возможность отдохнуть и провести исследования. «К полудню, после 20–30 верст пути мы останавливались в какой-нибудь долине, где можно было запастись водой, дровами и травой; генерал выбирал подходящее место, чтобы установить наши калмыцкие кибитки, которых было три: одна для генерала, другая – для его свиты и третья – для нас. Мы разжигали огонь, резали барана, готовили обед, который обычно приходился на 5 часов вечера. В ожидании некоторые отдыхали, другие исполняли поручения в окрестностях... Обед всегда накрывался в кибитке генерала, более просторной и более теплой, чем наши. Мы садились на землю; длинная скатерть, расстеленная на дерне, и тарелки на коленях...» [5, с. 71].

Наблюдая деятельность неутомимых академиков, де Бесс отмечал: «Интересно было видеть одного из наших ученых, вооруженного тысячами булавок, накалывающего на картон мошек и бабочек, чтобы затем упрятать их в приготовленные для этого коробочки. Другой ученый, имея громадную стопу бумаг около себя, укладывал между двумя листами редкие цветы и растения, собранные в пути. Третий приводил в необходимый порядок математические инструменты и телескоп, который он вскоре должен был навести на устрашающий Эльбрус. Что касается господина Купфера, человека весьма образованного, мягкого характера и приятной внешности, то он делал записи и готовил доклады для Санкт-Петербургской Академии наук» [2, с. 39].

Непогода, частые проливные дожди и туманы задерживали продвижение отряда. Лишь 20 июля (8 июля по старому стилю) экспедиция расположилась лагерем на р. Малке у подножия Эльбруса. На следующий день, академики вместе с Дж. Бернардашши, в сопровождении добровольцев из казаков и горцев, отправились к снежному хребту этой горы и 22 июля, в три часа утра, приступили к восхождению. Вершины горы никто из ученых достигнуть так и не смог, и все наблюдения производились с небольшого обледеленого выступа. Выше всех удалось взобраться лишь Эмилию Ленцу. По подсчетам самого ученого до желаемой цели ему оставалось еще 600 футов [3, с. 89].

В тот день генерал Емануэль находился в лагере и следил за восхождением на

Эльбрус в подзорную трубу. Впоследствии, в рапорте на имя командующего Отдельного Кавказского корпуса И. Ф. Паскевича он напишет: «10-го числа (по старому стилю. – Т. К.), в 3 часу пополудни, пользуясь благоприятною погодою, выступили все к исполнению предположенной цели, но после величайших усилий, достигнув выше половины Эльбруса, обратились назад; один только кабардинец, по имени Киллар, успел достигнуть около 11 часов самой вершины сей горы, на которой, водрузив палку, с ним имеющуюся, и обложив ее камнем, спустился обратно, показав первый возможность быть на высочайшей из гор в Европе, почитавшейся донныне вовсе неприступной» [1, с. 941].

23 июля (11 июля по старому стилю) Г. А. Емануэль выступил из лагеря в обратный путь. Конечным пунктом путешествия стала долина р. Хумары, впадающей в Кубань. «Развалины церквей и могил в этой прекрасной долине свидетельствовали о прежней здесь жизни, – отмечал Купфер. – Часто встречались камни, то лежащие, то расположенные вертикально, на которых явно просматривались следы римского креста. На других камнях появлялись более поздние даты и надписи на арабском языке. На другой стороне Кубани, против нашего лагеря, возвышались развалины церкви, построенной на крутой скале» [5, с. 88]. По ранее разработанному плану ее должны были посетить ученые, однако из-за таяния снегов поднявшаяся Кубань лишила их этой возможности, и академикам пришлось ограничиться наблюдением издали при помощи подзорных труб. Лишь в октябре 1829 г. по поручению Емануэля архитектор Дж. Бернардашши с эскортом казаков исследовал раннехристианские памятники, расположенные за Кубанью.

Закончив обозрение верховьев Кубани, отряд повернул по направлению к Кисловодску и проследовал по военной линии, где Емануэль как начальник Кавказской области инспектировал имеющиеся укрепления и планировал постройку новых. 2 августа (21 июля по старому стилю) 1829 г., немногим менее чем через месяц после начала, Эльбрусская экспедиция вернулась в Горячеводск.

Результаты экспедиции были весьма значимы и разнообразны. Академики успели в полной мере воспользоваться открывшейся перед ними возможностью обогатить науку:

«...Что касается до ученой цели сей экспедиции, то Конференция с удовольствием может засвидетельствовать, что сия вполне достигнута, о чем представлены отчеты и публичные предварительные доказательства в кратких отчетах господ академиков» [13, л. 212–213]. Произведенными исследованиями были открыты богатые залежи свинца, каменного угля, точильного сланца, алебаstra и мела, а также обширные сосновые леса [1, с. 940]. Помимо геологических исследований, сбора материалов по ботанике и зоологии, ученым удалось измерить многие высоты края. Так были определены высоты восточной вершины Эльбруса и целого ряда населенных пунктов Кавказской области: Кисловодска, Горячеводска, Георгиевска и Ставрополя. И хотя наблюдения, сделанные во время Эльбрусской экспедиции, со временем были откорректированы, в целом собранные учеными материалы в течение нескольких десятилетий служили основой для изучения Кавказа в Академии наук.

Наконец, следует отметить, что в ходе данной экспедиции был продолжен сбор этнографических сведений о народах Кавказа. Свидетельством тому служат сохранившиеся в личном фонде А. Купфера Архива РАН разнообразные отрывки из описаний местных народов [14; 15; 16]. Этнографические исследования Купфер планировал продолжить и в дальнейшем. В январе 1830 г. по его инициативе Конференция Академии наук вновь обратилась к генералу Г. А. Емануэлю с просьбой предоставить возможность принять участие в запланированном на лето этого года новой экспедиции, имеющей целью «исследование внутренности Кавказа и паче обозрение народов, обитающих хребты второстепенных гор» [13, л. 125 об.]. «Сим благоприятным случаем академик Купфер желает воспользоваться для обогащения собранных им в ходе путешествия своего материалов, разными рисунками и видами Кавказских гор, каких ученые путешественники не имели времени снять во время своего путешествия, по причине поспешности оного и потому что главный хребет помянутых гор почти беспрестанно покрыт был туманом...» [13, л. 125].

Таким образом, осуществленное в 1829 г. Г. А. Емануэлем обозрение окрестностей Эльбруса, с участием ученых и топографов, под прикрытием военного отряда, стало проявлением изучения Северного Кавказа,

организуемого военным ведомством в условиях Кавказской войны. Полученные положительные результаты Эльбрусской экспедиции предопределили обращение к этой форме военно-разведывательного изучения региона и в дальнейшем. Одни из таких экспедиций,

в настоящее время уже стали достоянием научной общественности (например, восхождение на г. Арарат в 1850 г. И. И. Ходзько), материалы других пока еще хранятся в архивах и ждут своего исследователя.

Литература

1. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. 1011 с.
2. Бесс Ж.-Ш. де. Главы из книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Переднюю Азию и Константинополь в 1829–1830 гг.» // И. А. Гориславский и др. Первовосхождения на Эльбрус: лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 29–52.
3. Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб.: В Типография Н. И. Греча, 1851. 199 с.
4. Гориславский И. А., Зюзин С. А., Хаширов А. В. Первовосхождения на Эльбрус: Лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. 172 с.
5. Доклад, сделанный в академии наук о путешествии в окрестности горы Эльбрус на Кавказе, предпринятом по приказу его императорского величества господином Купфером // Гориславский И. А. и др. Первовосхождения на Эльбрус: лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2007. С. 64 – 91.
6. Дударев С. А. Проблемы интеграции этнических сообществ в состав Российского государства и пути их решения (на примере Северного Кавказа) / Дударев С. А., Дударев Д. С., Ктиторова О. В., Цыбульникова А. А. Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 252 с.
7. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822 – 1872. СПб. [б.и.], 1872. 616 с.
8. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. 494 с.
9. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 496 с.
10. Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе (из истории горного туризма и альпинизма). Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. пед. ун-та, 2001. 184 с.
11. Потто В. А. Кавказская война. Т. 5. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 400 с.
12. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 404 с.
13. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1. Т. 1. 1829. Д. 4. «Дело по Кавказской экспедиции».
14. СПФ АРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 64. «Описание земель между рекой Кубанью, Черным морем и хребтом Кавказских гор».
15. СПФ АРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 65. «Черновые заметки А.Я. Купфера о народах, обитающих на Кавказе».
16. СПФ АРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 68. «Отрывок дневника А.Я. Купфера, веденного во время Кавказской экспедиции. 1829 г.».
17. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
18. Ткаченко Д. С. Географические исследования окраин в формировании имперской идеологии XIX в.: попытка сравнительного анализа российского и британского опытов // Научная мысль Кавказа. 2015. № 2. С. 88–92.
19. Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Емануеля // Кавказский сборник. Тифлис, 1898. Т. XIX. С. 120–218.